

Е. В. Кондратьева

**ОБЩИННЫЕ ТРАДИЦИИ
В МОЛОДЕЖНЫХ ПРАЗДНИКАХ
И ОБРЯДАХ ЧУВАШЕЙ И УДМУРТОВ**

В статье анализируются общинные традиции молодежных праздников и обрядов. Исследуемые источники относятся к одним из основополагающих элементов этнической культуры, оказывающих воздействие на функционирование всей системы повседневной жизни.

Молодежные праздники синкретизировали труд и активное духовное творчество, что особенно наглядно прослеживается в случаях, когда в игровую инсценировку включаются элементы цензуры нравов: учет оценки общиной и сельским сообществом поведения отдельных ее членов. Подрастающее поколение приобщали к установившемуся укладу жизни, эстетическим взглядам народа, морально-этическим нормам поведения и культурно-идеологическим ценностям.

Хронология изучения: пер. пол. XIX в. – по настоящее время.

Ключевые слова: общинные традиции, праздники и обряды, *ларма*, *пукись куно*, *хёр сәри*, *ныл брага*, *вййә*, *берганы*, *ниме и веме*, *хёр ними*, девушки и парни, чувашаи, удмурты.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-223-232

Жизнь молодежи в традиционном обществе протекала в кругу семьи, общины и сельского сообщества, проходя поэтапно все жизненные роли, предназначенные от рождения: дочь/сын, девушка/парень, невеста/жених, жена/муж и т.д. [Мид 1988]. Достигнув определенного возраста, обычно 16–17 лет, с согласия взрослых членов общины/сельского сообщества девушки и парни устраивали молодежные праздники, на которых выбирали себе подходящую пару.

Межсельские посиделки

В число межсельских обрядов входят молодежные посиделки как один из распространенных видов общения. К ним относят чувашский обряд *ларма*, буквально означающий «сидение» и удмуртский *пукись куно/пукись ныл* – «долго сидящая гостья или сиделка-гостья» [Верещагин 1889, 108–109; Христолюбова 2006, 39–40; Владыкина, Глухова 2014, 34–38]. Как видим, у обоих обрядов одно и то же значение и относятся они к одной из форм посиделок.

Обычно *ларма* и *пукись куно* проводили в любой деревне, за исключением своей. Все зависело от того, в какой деревне у взрослой девушки есть родственники, у которых можно было бы проводить долгое время за рукоделием. Несомненно, подобного рода собрания были местом знакомства парней и девушек с целью дальнейшего вступления в брак [ПМА 2014, Жуйкова]. Суть *ларма* и *пукись куно* состояла в приглашении девушек-родственниц в гости из соседних или дальних деревень [Салмин 2016, 37–39; Верещагин 1889, 108–109]. Чаще всего ездили в одни и те же деревни, между которыми сохранялись прочные брачно-родственные связи.

Молодежные посиделки проводили в основном в зимнее время. Основной целью приглашения межсельских посиделок были и подготовка приданого, и знакомство с парнями из

другой деревни. Главным действующим лицом в обряде была девушка, прибывшая туда в гости. За период пребывания в деревне она должна была успеть приготовить приданое, поскольку в доме у родителей она занималась повседневными делами и, как правило, не имела свободного времени. Основными ее занятиями были прядение, вышивание и шитье [ПМА 2016, Михайлова].

Согласно Г. Е. Верещагину, приезжала девушка с готовым приданым: привозила большое количество полотенец для родственников, кумышку и солод для приготовления в гостях [Верещагин 1889, 108]. У удмуртов приглашающий заказывал для гостя прялку *кубо*. Он же вбивал в прясло монеты, в ответ гостя дарил ему рубаху и порты, а также угощала кумышкой. Одаривать деньгами могли и другие родственники хозяина [Верещагин 1889, 109]. Девушку-гостью приглашали также в другие, неродственные, дома.

Естественно, молодежь, особенно девушки, на такие посиделки надевали самые красивые наряды. Девушку-гостью с новыми подругами приглашали на суп. Такое приглашение было организовано матерью юноши, которой приглянулась девушка из какой-нибудь соседней деревни. Возьмет ли парень ее в жены – это во многом зависело от родителей девушки и парня. Безусловно, девушки догадывались о намерениях хозяйки и вели себя скромно. Мужчины на это время уходили из дома. Затем мать передавала впечатления сыну-жениху. Присутствие парней на *ларма* считалось нормой [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 65–66]. Информант Алексей Петрович Шишов из д. Амалыково отмечал, что на *ларма* они ездили в д. Кичкеево Янтиковского р-на Чувашской Республики [ПМА 2015, Шишов].

Таким образом, межсельский обряд собирал девушек и парней не менее чем из трех деревень. В таких посиделках юноши старались находить себе пары, при знакомстве с девушками показывая свои лучшие качества, например, в игре, танце или общении.

В гостях у родственников девушка была от недели до месяца, что зависело от объема предстоящей работы и, конечно, от того, найдется ли за это время жених по нраву. Если у чувашей приглашавшие сами отвозили девушку домой, то у удмуртов приезжали родители с целью «погостить». Старшее поколение пристально следило за поведением молодежи, отмечало манеру их исполнения и порядок выполнения обрядов. Удмуртская девушка в таких посиделках во II пол. XIX в. набирала до 5 руб.

Лукусь куно, как правило, проводился в доме состоятельного человека: богатый общинник мог обеспечить подарками и хорошим угощением. Г. Е. Верещагин констатирует, что девушек приглашали для того, чтобы показать свое материальное состояние, так как обряд требует больших расходов [Верещагин 1889, 109]. *Ларма* у чувашей в той или иной форме охватывала практически всех девушек общины (= села, если совпадали территориальные рамки). На подобных посиделках молодым людям внушалась мысль о роли труда в жизни человека, подчеркивалась необходимость прививания молодежи нравственных качеств, уважения к старшим, дружбы и товарищества.

Таким образом, основная идея *ларма* и *лукусь куно* заключалась в демонстрации совершеннолетия девушек, а также в формировании будущих брачных пар и в подготовке подарков к свадьбе. Для молодого поколения межсельские посиделки были формой передачи опыта, способствуя непрерывности общественной традиции как фактор культуры поведения и нормы

Запись рассказов информантов
Жуйковой Н.А., 1954 г.р., д. Заречная Медла,
Гавриловой Л.Л., 1960 г.р., Жуйковой Э.Е., 1948 г.р.,
д. Удмуртский Лем Дебесского р-на УР //
ПМА – июнь 2014. Удмуртская Республика,
Ярский р-н, д. Дизьмино. Фотография автора

общения с разными возрастными группами, а также канал консолидации членов социального коллектива.

Праздничные формы общения и нормы поведения – это составная часть соционормативной культуры чувашей и удмуртов. В проведении обрядов были задействованы члены деревенских общин, обеспечивая преемственность в передаче традиций и народной культуры.

Девичье пиво

По завершении земледельческих работ и чуваша, и удмурты (преимущественно – северные), проводили праздник повзрослевших девушек, который напрямую поддерживался общественным мнением, осознаваемым каждым молодым человеком, общиной и сельским сообществом в целом. Сельские общины в данном празднестве играли относительно изолированную роль, несмотря на то, что контроль общин над молодежью непосредственно осуществлялся. Здесь главным образом проявлялась другая, не менее важная, функция обряда: умение общаться с людьми всех возрастов, поскольку состав участников был самым разным.

Этот обряд был осенним, хотя есть случаи проведения его перед *сурхури* (зимний праздник молодежи по случаю начала нового года) и *мункун* (Великий день). У чувашей он получил название *хёр сáри* «девичье пиво», у удмуртов – *ныл брага* букв. «девичья брага». Подготовка к празднику включала назначение дня и места проведения, сбор продуктов (муки, солода, хмеля) для приготовления обрядовых напитков (пива, браги) в домах, где были девушки на выданье; оповещение молодежи соседних деревень (устное известие) о сроках проведения обряда, количестве присутствующих, а также об одежде, которая должна быть у всех одинаковой [Вовина 1999, 71–82; Владыкина, Глухова 2011, 96]. Важно отметить, что у чувашей пиво занимало важное место в обрядовом комплексе, что хорошо отразилось в названиях обрядов и праздников: «Народное пиво», «Осеннее пиво», «Девичье пиво» и др.

Гостей приглашали в форме песен. У чувашей они известны как специальные «Пригласительные песни» – *йыхрав юрри*. Обычно молодежь собиралась в одном доме для встречи гостей из соседних деревень; туда несли муку, соль и, конечно, хмель [ПМА 2016, Михайлова]. Приносили также бочки, кадки, пивные корыта, горшки, ковши и другую нужную для пивоварения утварь.

Основными организаторами праздника среди чувашей и удмуртов были девушки; бывало также, что выбирали молодую пару – парня и девушку, которые отвечали за ход обряда и обговаривали сроки проведения с молодежью соседнего селения. Как правило, первая кружка пива предназначалась хозяину дома *кил хуци/кузё*, пившему ее в честь верховных божеств.

В назначенный день гости приходили к накрытому столу, где в обязательном порядке были заранее приготовлены как ритуальные напитки брага или *кумышка* (у удмуртов), пиво *сáра* (у чувашей) и выпечка. Заметим, что наиболее древним напитком у удмуртов было пиво. *Кумышка*, конечно, появилась значительно позже. Составной частью термина, обозначающего обряд, стало слово *брага*. Некоторые исследователи считают его проникшим в удмуртскую традицию под влиянием русского языка, где оно обозначало «хлебный напиток, иногда более похожий на квас» [Урасинова 2006, 74]. Однако слово *брага* соответствует чувашскому слову *пáрака*. Еще М. Фасмер отмечал, что слово *брага* правильнее считать заимствованным из тюркского языка, а именно – из чувашского *пáрака* «выжимки, жидкое пиво, брага» (от слова *пáр* «крутить, сжимать выжимать») [Фасмер 1986, 205].

За столом рассаживались в основном парами: парень с девушкой, – поскольку выбор пары (хотя бы на вечер) был обязательным. Празднество продолжалось до зари. Распитие пива сопровождалось песнями и танцами под скрипку. Музыкальное оформление обряда поручалось двум скрипачам, игравшим одновременно и всегда рядом. Важное место в данном ритуале занимали частушки и пляски, в которых молодежь старалась проявить себя. Все это надолго создавало веселое настроение. Д. Месарош в своей работе приводит следующие строчки девичьих песен, выражающих готовность молодых девушек к переходу в статус замужних:

*Юр сичче улма пишет-ске,
Хёвелле сырла пишет-ске.
Пиртен юлнй хёрсен
Йёрсе куё пишет-ске.*

И на снегу яблоки созревают,
А на солнце ягодки созревают.
А у оставшихся от нас девушек
От слез глаза набухают [Месарош 2000, 170].

После ритуальной трапезы удмуртские гости, кроме молодоженов, вставали из-за стола. Девушки убрали еду, сворачивали скатерть и уносили ее обязательно через головы молодой пары. Только после этого парень и девушка могли встать из-за стола. По мнению Т. Г. Владыкиной и Г. А. Глуховой, основными моментами обряда были переодевание и узнавание юношами переодетых и накрытых платками своих девушек, о которых говорили *быдэ вуэм* «девушка на выданье, невеста» [Владыкина, Глухова 2011, 97].

На следующий день всех гостей провожали. В другой раз хозяева и гости менялись местами: было принято наносить ответный визит. Таким образом, посещение другой деревни и домов позволяло молодежи лучше узнать друг друга, сблизиться и заложить связи на долгие годы. В число принимающих домов обязательно входили и родственники. Необходимо заметить, что девичье пиво устраивалось и между этнически смешанными селениями (марийцами, татарами и др.).

На посиделках собиралось множество сельских жителей, среди которых не было пассивных зрителей: практически все являлись непосредственными участниками и исполнителями [ПМА 2014, Жуйкова]. Девушки угощали ковшом пива всех входящих, в ответ им давали монеты. Набранная сумма пересчитывалась и делилась между девушками поровну. Эти деньги родителям не отдавали, так что у взрослых девушек были личные средства, необходимые для покупки нарядов и приготовлений к будущей свадьбе. Иногда эти деньги они отдавали музыкантам [Месарош 2000, 170]. Взрослые могли прийти посмотреть на вновь создавшиеся пары. Обычно парень и девушка, сидевшие рядом, считались женихом и невестой.

Таким образом, *хёр сйри* и *ныл брага* были одними из ярких в череде молодежных посиделок. Как видим, аналогии удмуртского обряда «Девичий праздник» и чувашского «Девичье пиво» указывали на подготовку к переходу из одного социального статуса в другой. Посиделки сочетали труд и активное духовное творчество. Подобные типы общения обогащали их участников, поскольку каждый присутствующий видел и оценивал способности молодых (у кого чему можно поучиться). При этом девушки старались показать свои лучшие качества в гостеприимстве, трудолюбии, пении и пляске, ибо они находились под зорким глазом деревень (= общин). Следование общинным традициям и утвердившимся правилам, несомненно, регулировало и направляло стереотип поведения молодого поколения по установившемуся в обществе руслу.

Хоровод

Достаточно массовым и широко распространенным молодежным праздником был хоровод *Вйй* у чувашей и *Бергаз* у удмуртов.

Он отличался соединением разного рода танцев с мимическим искусством, драмой, стихами и музыкой. Основная фигура хоровода – круг, движение по кругу. Однако сюда же включается множество различных действий и драматических сцен, изображающих разные моменты повседневной жизни [Зеленин 1991, 368]. Хороводные гуляния проводились на лугу, на поляне или на деревенской улице. Во время праздничных хороводов молодежь встречалась в центральном селении, где собирались 6–7 селений [Филиппов 1915, 753]. Участниками хороводов были девушки и парни.

Колхозники в выходной день на опушке леса (хоровод).
БАССР, Бижбулякский р-н. 1934 г. Поступил
из Гос. музея народов СССР // Фонды МАЭ РАН.
Отдел Европы. Коллекция № И1843-164

Вайй – у чувашей и *Бергаз* – у удмуртов «молодежные хороводы», буквально переводятся как *вайй*, т.е. «игра», синонимично слову *уяв*, *берганы* «кружиться, крутиться» [Кириллова 2008, 65].

Праздник приходился на свободное от полевых работ время: проводили его примерно в течение одного месяца до начала полевых работ или от *мункуна* до *симёк* [Ильин 1915, 12]. По современному календарю это, в основном, май. Чувашаи выделяют три места проведения хоровода: 1) рядом с *Учук* или рядом с локусом обряда инициирования дождя, 2) на улице или 3) на лужайке [Салмин 2016, 31–33]. Хороводы обычно были привязаны к общесельским праздникам и обрядам.

В первом и втором случаях место проведения хоровода устанавливали старики. В большинстве же случаев это были сакрально чистые места – священные рощи. На выбранном месте проводили моление: старшее поколение просило духов защитить их от болезней, недугов. При возвращении с этого места молодежь пела хороводные песни.

Собравшись на одной улице, шли на другую: таким образом, объединялись всей деревней. Старшее поколение наблюдало за поведением молодых. На глазах старших молодежь вела себя чинно и скромно. Материалы констатируют неперемное участие и высокую роль стариков в воспитании молодого поколения согласно общинным и общепринятым традициям жизни деревни.

Хороводы начинались после заката солнца. Как правило, в дни хоровода молодежь надевала свои лучшие наряды. Парни, пришедшие на хоровод, заранее присматривали себе будущую жену. А хоровод использовали для близкого знакомства.

Хоровод принимал самые разные формы. В самом начале двигался под песни то в одну, то в другую сторону. Затем движение принимало уже другие формы: змеевидную, креста, восьмерки, ворот, – через которые должны были пройти участники хоровода и др. Различные драматические представления в хороводе наполнялись танцами – в одиночку или парами. Хороводные песни представляли собой большей частью четверостишья (частушки) или песни в форме диалога. Исполняемые в игровой манере, слова и мелодии песен часто повторялись [Филиппов 1915, 755; ПМА 2016, Михайлова].

Основной состав парней в круг не становился, они кружили вокруг хоровода. Иногда вели между собой «мужские» разговоры, обсуждали приглянувшихся девушек [ПМА 2015, Шишов].

Интересно замечание Гурия Филиппова, что девушки не ходили хороводом в то селение, куда путь лежит через пашенное поле. По их убеждению, нарушение этого обычая служило причиной неурожая; говорили, что хлеб не уродится. Но случалось, что девушки разных селений, будучи не предупреждены друг другом о своем приходе, встречались на дороге. Тогда хозяйками становились девушки, которые не перешли мост [Филиппов 1915, 759].

Около полуночи праздничные гуляния заканчивались [ПМА 2015, Шишов; ПМА 2014, Дмитриев, Дмитриева]. Парни забирали с собой понравившихся девушек. Хороводы были направлены на формирование пар, обнародование сердечных привязанностей в присутствии зрителей [Владыкина, Глухова 2015, 73]. Оставшиеся без парней девушки шли домой. На хороводах были случаи кражи невест. Уже утром, при возвращении молодых пар в деревню, распевали свадебные песни.

Как видим, для подрастающего поколения такие коллективные праздники были хорошей нравственно-поведенческой школой, в которых молодежь усваивала практику общения с разными людьми, правила поведения в коллективе. При этом она чувствовала незримый контроль деревни (= стариков, родителей, родни).

Трудовая взаимопомощь

Обряд трудовой взаимопомощи (помочь: *ниме/миме* у чувашей и *веме* у удмуртов) способствовал внутриобщинному взаимодействию, играл заметную роль в формировании общественного мнения.

В этимологическом словаре В. Г. Егорова слова *ниме*, диал. *виме* означают бесплатную общественную помощь, работу миром для односельчанина за угощение; для сравнения: туркмен., казах. *ўме*, башк., тат. *өмә* – бесплатная коллективная трудовая помощь, тур. *нимет* – благодеяние, милость. Скорее всего, это слово арабского или персидского происхождения: *немāt* – благодеяние, дар, милость [Егоров 1964, 140]. На эвенкийском *нимэ*, *нимэв* – прийти в гости к соседям, гостить [Болдырев 2000, 394].

В чувашских и удмуртских селениях укреплению традиций трудовой взаимопомощи способствовали родственные связи (по мужской и женской линиям) и соседские взаимоотношения. В прошлом с помощью *ниме* и *веме* выполнялись самые разные виды работ: возведение избы, хозяйственных построек, обмолот зерна, битье глиняных печей, вывозка навоза, рытье колодцев [ПМА 2014, Дмитриев; ПМА 2015, Герасимова].

Известно, что трудовое воспитание молодого поколения не ограничивалось рамками семьи: их контакты находились под постоянным контролем старших, жителей селения. Иногда это выражалось в непосредственном наблюдении и участии. Например, Г. Е. Верещагин, описывая участие подростков в обряде трудовой взаимопомощи, отмечал, что «мальчики и девочки возят глину, девушки, в свою очередь, толкут глину палками, поют песни» [Верещагин 1995, 24].

Во время помочей молодежь усваивала от членов семьи важность родственных и соседских связей, училась уважать общественное мнение и учитывать его. Иначе говоря, через активную трудовую деятельность молодое поколение входило в социальную среду, воспринимало этнические особенности общества. Решение провести помочи в пользу какого-либо лица, нуждавшегося в коллективной поддержке, обычно принимала община.

Большим разнообразием отличались виды женской взаимопомощи: трепание льна или конопля, прядение, мытье пряжи, шитье полога, рубка капусты, стрижка овец, сбор хмеля, мытье дома [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 163–164; ПМА 2014, Дмитриев; Фукс 1840, 38–40].

Сосватанные девушки-чувашки накануне свадьбы скликали родственников, друзей и сверстниц для шитья приданого на девичьи помочи *хёр ними*. Интересно также, что помещение, которое они снимали для девичьих пиров *хёр сйри*, оплачивалось обычно массовой помощью: всеми участвовавшими в празднике девушками в какой-либо сельскохозяйственной работе, чаще всего – на мольбе [Денисова 1985, 18]. Молодежь на таких коллективных работах трудилась изо всех сил, бывало даже состязалась. Девушки на выданье, таким образом, показывали свои трудовые навыки и готовность стать хорошими хозяйками, женами [Егорова 2010, 52].

Помочь // ПМА – июль 2016. Чувашская Республика, Янтиковский р-н, д. Иваново. Фотография автора

Общественное мнение на помочах выделяло лиц, наиболее успешно овладевших теми или иными приемами трудовой сноровки, осуждало и высмеивало неловкость, небрежность или неприемлемые новшества. Безусловно, общинные традиции выражались в чувстве коллективизма и взаимной помощи.

Выводы

Таким образом, традиционная община и сельская общность делились на возрастные группы: старики, молодежь и дети. Рассматриваемые межсельские обряды и праздники молодежи демонстрировали их коммуникативную связь. Отношения между членами разных половозрастных групп определялись особыми нормами: установленными формами поведения, обращениями друг к другу, знаками уважения, почтения и внимания – соответственно фактическому старшинству и родству.

На межсельских посиделках и на празднике «Девичье пиво» девушки и парни ближе знакомились с молодежью соседних селений, что говорит о тесных межсельских связях. Таким образом молодежь получала общественное признание ее совершеннолетия. Праздниками взрослых девушек непосредственно руководили старшие представители сельских общин. Выполнение коллективных действий определенной социальной группой в проведении межсельских праздников и обрядов создавало чувство осознания единства и целостности как членов общины, так и всего деревенского сообщества. Способы общения формировали традиционные этнические ценности и нормы поведения в обществе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук.

ПМА – Полевые материалы автора.

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРА

2014 г. Удмуртская Республика.

2015 г. Чувашская Республика и Ульяновская область.

2016 г. Чувашская Республика.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

Жуйкова Надежда Александровна, удмуртка, 1954 г.р., уроженка д. Заречная Медла Дебесского р-на Удмуртской Республики;

Жуйкова Эльфира Егоровна, 1948 г.р., удмуртка, уроженка д. Удмуртский Лем Дебесского р-на Удмуртской Республики;

Гаврилова Людмила Львовна, удмуртка, 1960 г.р., уроженка д. Удмуртский Лем Дебесского р-на Удмуртской Республики;

Михайлова Елена Сергеевна, чувашка, 1938 г.р., уроженка с. Турмыши Янтиковского р-на Чувашской Республики;

Шишов Алексей Петрович, чуваш, 1935 г.р., уроженец д. Амалыково Янтиковского р-на Чувашской Республики;

Дмитриев Василий Петрович, удмурт, 1928 г.р., уроженец д. Н. Лудзя Завьяловского р-на Удмуртской Республики;

Дмитриева Мария Савельевна, удмуртка, 1932 г.р., уроженка д. Н. Лудзя Завьяловского р-на Удмуртской Республики.

ЛИТЕРАТУРА

- Болдырев Б. В.* Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. 484 с.
- Верещагин Г. Е.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1889. 197 с.
- Владыкина Т. Г., Глухова Г. А.* Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 320 с.
- Владыкина Т. Г., Глухова Г. А.* Девичьи и женские праздники в удмуртском календаре // Вестник ПГГПУ. 2014. № 1. С. 34–48.
- Владыкина Т. Г., Глухова Г. А.* Половозрастная стратификация деревенского общества // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Вып. 3. С. 64–76.
- Вовина О. П.* Праздник хёр сәри – «девичье пиво» в календарной обрядности чувашей // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 71–82.
- Денисова Н. П.* Общинные традиции в хозяйственно-бытовой жизни чувашского крестьянства (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. Чебоксары: ЧНИИ, 1985. С. 3–38.
- Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд., 1964. 357 с.
- Егорова О. В.* Этнография детства чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – первой трети XX вв.: традиционная родильная обрядность и социализация ребенка: автореф. дисс. ... д.и.н.: 07.00.07 / Егорова Оксана Венианимовна. Чебоксары, 2010. 52 с.
- Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
- Кириллова Л. Е.* Удмуртско-русский словарь. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2008. 925 с.
- Ильин М.* Игры и хороводы вотской молодежи // Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 3. С. 108–120.
- Магнитский В. К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1881. 268 с.
- Магницкий В. К.* Религия, этнография, фольклор // Государственный исторический архив ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 4. Л. 58–58 об.
- Магницкий В. К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры (собраны в некоторых местностях Казанской губернии и сопоставлены с верованиями черемис, татар и русских) // Государственный исторический архив ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 10. Л. 53.
- Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 360 с.
- Мид М.* Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988. 429 с.
- Салмин А. К.* Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 687 с., илл.
- Урасинова О. В.* Молодежные посиделки в традиционной культуре народов Уралья и Поволжья // Наука. Студент. Творчество. Сборник трудов региональной и 40-й научной студенческой конференции. Чебоксары: ЧГУ, 2006. С. 73–75.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М. Фасмер. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
- Филиппов Гурий.* Татарско-чувашские девичьи хороводы в Тетюшском и Цивильском уездах Казанской губернии // Инородческое обозрение. 1915. № 10. С. 753–760.
- Фукс А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1840. 329 с.
- Христолюбова Л. С.* Женщина в удмуртском обществе. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 328 с.
НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 163–164.
НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 65–66.

Поступила в редакцию 13.12.2018

Кондратьева Екатерина Валерьевна,

главный специалист-эксперт,

Управление молодежной политики Минобразования Чувашии

428004, Россия, г. Чебоксары, Президентский бульвар, 17

e-mail: kateruk1991@mail.ru

E. V. Kondratyeva

The communal traditions in youth festivals and rituals of the Chuvash and Udmurts

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-223-232

In this article, an attempt is made to analyze the communal traditions in youth festivals and rituals. Traditional festivals and rituals are among the fundamental elements of ethnic culture that affect the functioning of the entire system of everyday life.

Youth festivals combined work and active spiritual creativity. This is particularly evident in cases when elements of censorship of morals were included in the play staged – the assessment of the assessment of individual cases by the community and rural communities. The younger generation was attached to the established way of life, the aesthetic views of the people, moral and ethical norms of behavior, cultural and ideological values.

Chronology of the study: the first half of the XIX century – until now.

Keywords: communal traditions, inter-village holidays and rites, larma, pukis kuno, hur sri, nyul braga, girls and boys, Chuvash, Udmurts.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 2, pp. 223–232. In Russian.

REFERENCES

Boldyrev B. V. *Evenkiisko-russkii slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk: Izdatelstvo SO RAN, filial "Geo", 2000. 484 p. In Russian.

Vereshchagin G. E. *Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoi gubernii* [Votyaki of Sarapul Uyezd in Vyatka province]. SPb: Tipografiya I.N. Skorohodova, 1889. 197 p. In Russian.

Vladykina T. G., Gluhova G. A. *Ar-god-bergan: obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya* [Rituals and holidays of the Udmurt calendar]. Izhevsk: Udmurtskii universitet, 2011. 320 p. In Russian.

Vladykina T. G., Gluhova G. A. Devich'i i zhenskiiye prazdniki v udmurtskom kalendare [Girls' and women's holidays in the Udmurt calendar]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Perm State Humanitarian-Pedagogical University]. 2014. № 1. Pp. 34–48. In Russian.

Vladykina T. G., Gluhova G. A. Polovozrastnaya stratifikatsiya derevenskogo obshchestva [Sex and age stratification of village society]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Finno-Ugric Studies Yearbook]. 2015. Vyp. 3. Pp. 64–76. In Russian.

Vovina O. P. Prazdnik hēr sāri – “devich'e pivo” v kalendarnoi obryadnosti chuvashai [A feast in the calendar ritual of the Chuvash]. *Zhenshchina i veshchestvennyi mir kul'tury u narodov Rossii i Evropy* [Woman and the material world of culture among the peoples of Russia and Europe]. SPb, Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. Pp. 71–82. In Russian.

Denisova N. P. Obshchinnye traditsii v hozyaistvenno-bytovoi zhizni chuvashskogo krest'yanstva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Community traditions in the economic life of the Chuvash peasantry (second half of the XIX – beginning of the XX century)]. *Voprosy tradicionnoi i sovremennoi kul'tury i byta chuvashskogo naroda* [Questions of traditional and modern culture and life of the Chuvash people]. Cheboksary: CHNII, 1985. Pp. 3–38. In Russian.

Egorov V. G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary: Chuvash.kn. izd., 1964. 357 p. In Russian.

Egorova O. V. Etnografiya detstva chuvashai Volgo-Ural'ya vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX vv.: traditsionnaya roditel'skaya obryadnost' i sotsializatsiya rebenka: avtoref. diss. ... d.i.n.: 07.00.07 [Ethnography of the childhood of the Chuvash of the Volga-Ural region in the second half of the XIX – first third of the XX century]. Cheboksary: CHGU, 2010. 52 p. In Russian.

Zelenin D. K. *Vostochnoslavyanskaya ehtnografiya* [East Slavic ethnography]. M.: Nauka, 1991. 511 p. In Russian.

Kirillova L. E. *Udmurtsko-russkii slovar'* [Udmurt-Russian dictionary]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 2008. 925 p. In Russian.

Il'in M. Iгры i horovody votskoi molodezhi [Games and dances of youth]. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga* [Bulletin of the Orenburg school district]. 1915. № 3. Pp. 108–120. In Russian.

Magnitskii V. K. *Materialy k ob'yasneniyu staroi chuvashskoi very* [Materials to explain the old Chuvash faith]. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Universiteta, 1881. 268 p. In Russian.

Mesarosh Dyula. *Pamyatniki staroi chuvashskoi very* [Monuments of the old Chuvash faith]. Cheboksary: CHGIGN, 2000. 360 p. In Russian.

Mid M. Kul'tura i mir detstva [Culture and the world of childhood]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. M.: Nauka, 1988. 429 p. In Russian.

Salmin A. K. Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda [Festivals, rituals and beliefs of the Chuvash]. SPb.: Nauka, 2007. 654 p., illustration. In Russian.

Urasinova O. V. Molodezhnye posidelki v traditsionnoi kul'ture narodov Ural'ya i Povolzh'ya [Youth gatherings in the traditional culture of the peoples of Ural and Volga region]. *Nauka. Student. Tvorchestvo. Sbornik trudov regional'noi i 40-i nauchnoi studencheskoi konferentsii* [The science. Student. Creation. Collection of works of the regional and 40th scientific student conference]. Cheboksary: CHGU, 2006. Pp. 73–75. In Russian.

Fasmer M. E. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. T. 1. M. Fasmer. M.: Progress, 1986. 576 p. In Russian.

Filippov Gurii. Tatarsko-chuvashskie devich'i horovody v Tetyushskom i Civil'skom uezdah Kazanskoi gubernii [Tatar-Chuvash girlish roundelays in the Tetyush and Tsivili districts of the Kazan province]. *Inorodcheskoe obozrenie* [Non-birth review]. № 10. 1915. Pp. 753–760. In Russian.

Fuks A. *Zapiski o chuvashaxh i cheremisaxh Kazanskoi gubernii* [Notes on Chuvash and Cheremis of Kazan Province]. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1840. 329 p. In Russian.

Hristolyubova L. S. *Zhenshchina v udmurtskom obshchestve* [A woman in Udmurt society]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 2006. 328 p. In Russian.

NA CHGIGN. Otd. I. Ed. hr. 158. L. 163–164. In Russian.

NA CHGIGN. Otd. I. Ed. hr. 177. L. 65–66. In Russian.

Received 13.12.2018

Kondratyeva Ekaterina Valeryevna,
chief specialist-expert of the youth policy department
of the Ministry of Education of Chuvashia,
17, Presidential boulevard, Cheboksary, 428004, Russian Federation,
e-mail: kateruk1991@mail.ru